
II.

Памяти въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Іереміи, бывшаго Епископа Полтавскаго.

6-го декабря 1884-го года, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ Нижегородской епархіи, скончался, а 9-го числа того же мѣсяца въ одной изъ монастырскихъ церквей погребенъ Преосвященный Іеремія, въ числѣ трехъ паствѣ, которыхъ онъ былъ пастыремъ въ продолженіе святительскаго своего служенія, короткое время пасшій и Полтавскую паству. Грѣшно было бы намъ, Полтавцамъ, не помянуть Святителя Божія добрымъ словомъ и

не помолиться (и не молиться выну) о упокоеніи его въ обителяхъ Отца небеснаго. Не долго, всего одинъ годъ (12-го янв. 1850 г. прибылъ, а 11-го того же мѣсяца 1851 г. выбылъ) Преосвященный Іеремія святительство-валъ на паствѣ Полтавской; но память его не только у служившихъ при немъ и близко знавшихъ его, но и во всей Полтавской паствѣ сохранилась и хранится съ похвалами.

Пишущій эти строки имѣлъ возможность, по роду своей службы, стать въ близкія отношенія къ Преосвященному и хорошо узнать его въ Переяславѣ, гдѣ онъ проживалъ нѣсколько мѣсяцевъ, откуда и уѣхалъ на Нижегородскую паству. Настоящія воспоминанія о немъ относятся къ тому періоду его дѣятельности, и притомъ на сколько касалась она тогдашней Переяславско-Полтавской семинаріи.

Пріѣзду Преосвященнаго изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря, въ которомъ онъ проживалъ лѣто 1850 года, въ Переяславъ предшествовали многіе весьма развѣчивые слухи, какъ о личномъ характерѣ Преосвященнаго, такъ и объ административной его дѣятельности. Говорили и о вспыльчивомъ характерѣ его, и объ излишней придирчивости его въ дѣлахъ, и о недовольствѣ порядками епархіальнаго управленія, и о многомъ иномъ, чему съ трудомъ даже и вѣрилось. Въ общемъ итогъ выходило, что и на Преосвященнаго Полтава произвела на первыхъ порахъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, и Преосвященный—на Полтаву. Въ чемъ дѣло, кто правъ и кто виноватъ,—за отдаленностію отъ Полтавы, Переяславцамъ трудно было рѣшить. Одно было ясно, что новый Преосвященный предъявилъ, кому слѣдуетъ, новыя требованія, къ которымъ не привыкли; потребовалъ дѣятельности, отъ которой отстали; коснулся смѣлою рукою

порядковъ, къ которымъ привыкли; заговорилъ прямо, откровенно, нерѣдко и рѣзко, съ тѣми, которымъ нравился иной тонъ рѣчи.... Нужно было готовиться встрѣтить начальника, который любитъ присматриваться и къ мелочамъ, или, лучше, у котораго въ служебномъ отношеніи мелочей быть не должно. А какъ трудно было серьезное подготовленіе Полтавской семинаріи при тогдашнихъ ея довольно нестройныхъ обстоятельствахъ!!.....

Въ Переяславѣ Преосвященный прибылъ 10-го октября, какъ помнится, подъ вечеръ—прямо въ монастырскую церковь, а потомъ въ архіерейскій домъ. Здѣсь, въ числѣ прочихъ, представилась ему и приняла архипастырское благословеніе и корпорація служащихъ при семинаріи, во главѣ съ своимъ Ректоромъ. Привѣтствіе Преосвященнаго духовенству и намъ было коротко и, замѣтно, безъ всякаго приготовленія; что думалось, чувствовалось, то и было высказано въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, безъ всякой аффектаціи. Содержанія рѣчи, за давностію, не припомню. Хорошо помню только конецъ рѣчи нашему о. Ректору: «Завтра, отецъ Ректоръ, часовъ около одиннадцати, если будете вы свободны, покажете мнѣ свою семинарію. А теперь пока бесѣдовать намъ съ вами не о чемъ». Помню разнообразныя толки о первомъ, произведенномъ Преосвященнымъ, впечатлѣніи. Не всѣмъ понравилась его простая, краткая и откровенная рѣчь, особенно же, замѣчаніе: „Я люблю знакомиться съ моими сослуживцами на дѣлѣ“.

На другой день, въ назначенное время, правленіе семинаріи въ полномъ составѣ явилось въ пріемной Преосвященнаго. Преосвященный не заставилъ себя ждать. Осмотръ начался съ помѣщенія базеникоштныхъ воспитанниковъ семинаріи. Помѣщенія эти, не исключая и корпуса, именовавшагося тогда новымъ, были крайне нека-

зисты: тѣсны, плохо устроены, съ покоробившимися стѣнами, съ прогнившими по мѣстамъ полами и обвисшими въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолками. Неблагообразіе, особенно старыхъ корпусовъ, занимаемыхъ учениками Переяславскаго училища, въ экономическомъ отношеніи, соединеннаго съ семинаріею, трудно было скрыть и тѣми мѣрами, какія предпринимались къ приведенію ихъ въ благообразіе предъ предстоящею ревизіей Владыки. Владыка осматривалъ все внимательно, молча; по временамъ сдвигивалъ плечами, но не дѣлалъ никакихъ замѣчаній.

Время приблизилось къ обѣду; Владыка зашелъ въ столовую, которая помѣщалась въ особомъ небольшомъ корпусѣ, отдѣленномъ отъ кухни кладовыми. Столовая состояла изъ трехъ неравныхъ отдѣленій: въ первомъ, болѣе просторномъ, обѣдали семинаристы, во второмъ—ученики училищные, въ сѣнцахъ, промежуточныхъ между тѣмъ и другимъ отдѣленіемъ, помѣщался буфетъ. Если жилия комнаты, казалось, не произвели благопріятнаго впечатлѣнія на Владыку, то отъ столовой тѣмъ менѣе можно было ожидать этого. Тѣсно, грязно,—такъ какъ и прислуга, и ученики галошъ не имѣли, а время было осеннее; мебель убогая, приборы столовые скудные и невзрачные, особенно на столахъ учениковъ училищныхъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ; борща съ говядиной и каши съ саломъ. Владыка съѣлъ небольшой кусочекъ хлѣба, опробовалъ того и другаго блюда...

„Съ голоду не умремъ“—промолвилъ онъ лаконически.

Въ отдѣленіи, въ которомъ обѣдали ученики училищные, Владыка пробылъ минутъ десять, внимательно всматриваясь въ обѣдающихъ и въ обстановку столовой. Замѣтивши окно, прорубленное въ стѣнѣ, закрытое деревянной дверцей, Владыка спросилъ о его назначеніи. Ректоръ отвѣчалъ: „это окно выходитъ въ корридоръ,

устроенный у задней стѣны кладовыхъ, до кухни, которыми проносятъ до столовой кушанья“. При этомъ отвѣтъ Владыка быстро поднималъ голову и, устремивши на ректора строгій взглядъ, скороговоркой, обнаруживавшей внутреннее волненіе, спросилъ: «не тотъ ли это, устроенный вами, корридоръ, объ устройствѣ котораго Вы просите моего разрѣшенія представленіемъ, адресованнымъ въ Лубны, но, за моимъ выѣздомъ, присланнымъ сюда и сегодня мною полученнымъ? Какъ же это?!.. Строите произвольно и—потомъ спрашиваете дозволенія?» Замѣтивши, что на рѣчь его обратили вниманіе ученики, Владыка быстро вышелъ изъ столовой. На дворѣ Владыка остановился и произнесъ къ намъ первую строгую, обличительную, но не скажу во всемъ справедливую, рѣчь. Правда то, что многое у насъ было плохо устроено, незрочно, скудно. Но обличенія въ этихъ погрѣшностяхъ, и особенно насъ, были преждевременны. Экономическое положеніе Полтавской семинаріи въ то время было крайне неопредѣленное. Издавна шли толки о переводѣ ея въ Полтаву. При Преосвященномъ Геденѣ, предшественникѣ Іереміи, довольно долго (шесть лѣтъ) жившемъ въ С.-Петербургѣ въ качествѣ присутствующаго въ Св. Синодѣ, дѣло это, казалось, готово было увѣнчаться успѣхомъ, но почему-то затянулось. При Преосвященномъ Іереміи хлопоты о немъ еще не были брошены совершенно. А потому зданія семинарскія, старыя и ветхія, поддерживались настолько, что бы ихъ стало года на два, на три, много на пять. Правда, ремонтровки были ежегодныя, но они напоминали ремонтровку тришкина кафгана: тамъ урѣзывалось, тамъ натачивалось. Суммы отпускались скудныя, а на дѣлѣ онѣ оказывались еще скуднѣе. А потому сегодняшняя заплата въ слѣдующемъ году требовала починки, Составлялись смѣты самыя курьезныя, въ родѣ

того: переложить въ отдѣленіи кухни три стѣны (зарубленные въ замки), не трогая четвертой, затянуть подъ крышу десять связей, не трогая крыши (а она была такъ ветха, что отъ незначительнаго прикосновенія изгнившій тѣсъ отваливался кусками) и проч. Очевидно, ремонтровка, ограничивающаяся заплатами по мѣстамъ, тогда какъ требовались капитальныя исправленія, были бесполезны; зданія приходили въ большую и большую ветхость. Поддерживать въ нихъ порядокъ, благообразіе было крайне затруднительно на нищенскія, ежегодно назначаемыя по смѣтамъ, средства.

При такихъ обстоятельствахъ укоры Владыки, обращенныя къ членамъ правленія, повторяю, были не совсѣмъ заслужены и видимо преждевременны. Правленіе, чуть не въ полномъ составѣ было новое. Ректоръ состоялъ на должности годъ съ небольшимъ, а экономъ около трехъ мѣсяцевъ; оба были люди, въ дѣлахъ экономическихъ весьма мало практичныя. Что касается до корридора, съ котораго сырѣ-борѣ сагорѣлся,—это было наше дѣло и за устройство онаго мы подлежали отвѣтственности. Но и здѣсь погрѣшность была не въ *сущности* дѣла, а въ нарушеніи *формы*. Корридоръ устроить было нужно, такъ какъ съ устройствомъ только его устранялось безобразное ношеніе кушанья въ деревянныхъ ушатахъ дворомъ изъ кухни въ столовую, и устроить его возможно было съ выгодною только въ то время, когда онъ и устроенъ. Отъ производившихся въ томъ году ремонтровокъ оставалось не много лѣса и около сорока рублей денегъ. Вотъ на эти-то средства, при другихъ работахъ, и устроенъ корридоръ, на что въ другое время потребовалась бы гораздо большая сумма. Но за хлопотами забыли на эту работу и на употребленіе на нее остаточныхъ матеріаловъ и денегъ испросить свое-

временно разрѣшеніе Владыки. Такимъ образомъ, Владыка, при первомъ знакомствѣ съ нашими дѣлами, заявилъ въ себѣ строгаго ревнителя установленнаго порядка. Нѣсколько разъ повторялъ онъ: «порядокъ— душа и сила всякаго дѣла; самый худой порядокъ, если бы можно было такъ выразиться, лучше самаго лучшаго безпорядка. Въ поэзіи, говорятъ, есть какой-то лирическій безпорядокъ; въ жизни его быть не должно. Безпорядокъ—разрушеніе и смерть всякому дѣлу. Я вполне одобряю устройство корридора, но осуждаю самоволіе въ распоряженіи.»

На перепутьи отъ помѣщенія казеннокоштныхъ воспитанниковъ къ семинарской больницѣ, которую предположено было осмотрѣть, Владыка успокоился и благосклонно бесѣдовалъ съ сопутствующими. У крыльца больничнаго флигеля Владыка остановился, безпокойно посмотрѣвъ на своихъ спутниковъ и взволнованнымъ голосомъ спросилъ: „что это за запахъ такой въѣдй? Чувствуете ли?“ Чувствуемъ, отвѣтили мы робко чуть не въ одинъ голосъ. Это запахъ отъ краски, которою окрашены полы больничныхъ комнатъ. «Какъ окрашены? Теперь?!! въ октябрѣ мѣсяцѣ окрашены?!! Какой безумный посоветовалъ вамъ, обратился Владыка ко мнѣ, какъ эконому, производить эту работу въ столь позднее осеннее время? Въдъ вы испортили комнаты на всю зиму... Гдѣ же вы будете помѣщать вашихъ больныхъ? Придется нанимать помѣщеніе, и нанимать на счетъ вашего жалованья». Мое объясненіе о необходимости производсва этой работы въ такое не удобное время Владыка призналъ не основательнымъ, свидѣтельствующимъ о моей неопытности. Случай этотъ далъ Владыкѣ новый поводъ къ довольно оживленной наставительной бесѣдѣ. Приблизившись къ выходу изъ семинарскаго дво-

ра, Владыка остановился и, высказавши еще нѣсколько замѣчаній, приказалъ намъ идти въ правленіе и внимательно поразсудить о всемъ томъ, что онъ намъ сказалъ. Недѣли черезъ полторы Владыка опять посѣтилъ больницу, въ которой все уже было приведено въ порядокъ, и въ больничныхъ комнатахъ помѣстились больные. Распросивши о мѣрахъ, какими осушены полы и уничтоженъ запахъ отъ краски, Владыка обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ простодушнымъ замѣчаніемъ: «а, вѣдь, вѣрна поговорка: вѣкъ живи—вѣкъ учись».

При посѣщеніи семинаріи Владыка обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе богословскихъ предметовъ. Въ этихъ предметахъ, преимущественно въ Св. Писаніи, Владыка обнаруживалъ основательныя свѣдѣнія. Не легко пришлось старшимъ воспитанникамъ держать полу-годовой предъ-рождественскій экзаменъ въ присутствіи Преосвященнаго Іереміи. Владыка не терпѣлъ въ отвѣтахъ размазыванія, такъ называемаго, своими словами, а требовалъ опредѣленнаго и точнаго отвѣта словами учебника. Онъ считалъ это требованіе педагогичнымъ въ томъ отношеніи, что заучиваніе, кромѣ упражненія памяти, пріучаетъ учениковъ къ краткости, точности и опредѣленности въ изложеніи своихъ мыслей. «Я не считаю буквальное изученіе *буквоѣдствомъ*, говорилъ Владыка; будь оно безсмысленнымъ, механическимъ, оно будетъ *буквоѣдство*; а точнымъ усвоеніемъ не мыслей только зрѣлыхъ, но и образа выраженія серьезныхъ мыслей, въ обдуманной и признанной лучшею и пригоднѣйшею формою выраженія, обогатиться свѣдѣніями, пріобрѣтешь искусство въ словѣ,—чужое обратится въ твое».

Особенно коверканіе текстовъ Св. Писанія, даже замѣна словъ подлинныхъ библейскихъ иными, хотя бы и

съ сохраненіемъ мысли текста, весьма не нравились Владыкѣ. «Мысль Божія, говорилъ онъ, должна быть и выражаема тѣми словами, которыя Самъ Виновникъ откровенія почитаетъ достаточными для выраженія оной. Страшно подпасть тому осужденію, которымъ угрожаетъ Св. Апостоль «инако благоговѣствующимъ,» а при нерадивомъ отношеніи къ изученію Слова Божія можно подпасть». Отъ семинаріи Владыка требовалъ серьезнаго приготовленія будущихъ пастырей Церкви: «воспитывайте въ нихъ (семинаристахъ) благоговѣйную преданность и сердечную любовь къ св. Церкви и къ будущему ихъ служенію. Любовь къ матери—основаніе любви къ ея наученію, уставамъ, повелѣніямъ,—къ ея чадамъ. Служеніе пастырское—весьма не легкое; успѣхъ въ служеніи обезпчивается любовію.»

По поводу рѣшенія однимъ изъ воспитанниковъ предложеннаго Преосвященнымъ вопроса: изъ какого сословія происходила жена священника Захарія, мать Іоанна Предтечи, Елисавета?—Владыка высказалъ то свое убѣжденіе, что лучшая спутница въ жизни и сотрудница въ служеніи священнику—жена *отъ дочерей Ааронихъ*. Дочь священника, воспитанная въ скромномъ кругѣ священническаго семейства, при скромныхъ условіяхъ жизни, въ благочестивыхъ семейныхъ обычаяхъ и преданіяхъ—самая приличная жена священнику, самая надежная ему сотрудница. Она не побрезгаетъ его широкорукавною рясою, его не всегда набѣло вымытыми шереховатыми руками, его далеко не всегда изящными манерами. Свѣтское сословіе дышетъ инымъ духомъ... Въ свѣтскихъ семействахъ иныя условія жизни, иныя преданія и обычаи, иной характеръ воспитанія, нерѣдко вовсе чуждый характеру служенія священническаго. „Достойно сожалѣнія, замѣтилъ Владыка, что мы до сихъ

поръ не успѣли устроить училищъ, въ которыхъ дочери священо и церковно-служителей могли бы получать нужное для нихъ образованіе. Но благо, что забота о семъ возникла.... Поможетъ Господь, и мы осуществимъ эту заботу. Кажись, Преосвященный Іеремія первый изъ архипастырей Полтавскихъ высказалъ многозаботливое желаніе, и высказывалъ неоднократно, какъ завѣтное желаніе его добраго сердца, устройства епархіальнаго женскаго училища. Зная энергическую дѣятельность Владыки, можно было быть увѣреннымъ, что, побудъ онъ на паствѣ Полтавской нѣсколько лѣтъ, любимое его желаніе было бы приведено въ исполненіе. Было бы приведено въ исполненіе, замѣтимъ встати, и другое, по обстоятельствамъ, настоятельно желанное и необходимое дѣло, именно: перемѣщеніе семинаріи изъ Переяслава въ Полтаву, о чемъ Владыка заботливо помышлялъ. Въ дневникѣ подъ 23 генваря записалъ онъ: «Купно съ Ректоромъ соображалъ, не можетъ ли семинарія устроиться при Крестовоздвиженскомъ монастырѣ.... Впрочемъ, какъ лучше умудриться, Богъ научитъ».

Преосвященный Іеремія былъ по преимуществу чловѣкъ любящаго христіанскаго сердца. Это высокое качество святителя высказывалось особенно въ благозаботливомъ попеченіи его о сиротахъ. По прибытіи въ Переяславъ Владыка обратилъ самое зоркое вниманіе на казеннокоштныхъ учениковъ Переяславскаго духовнаго училища. Правду сказать, чловѣку съ добрымъ сердцемъ трудно было не испытывать скорбнаго впечатлѣнія отъ скудно кормимыхъ и бѣдно содержимыхъ сиротъ *бурсаковъ*. Помѣщеніе, занимаемое ими, было ветхо и довольно грязно; обстановка жизненная, постельныя принадлежности, платье, бѣлье—скудныя. Правду сказать, и роскошествовать-то было нельзя при двадцати-двухъ:

рублевой казеннокоштной стипендіи... При самомъ добросовѣстномъ и умѣломъ расходованіи этихъ средствъ, ихъ было едва достаточно на прокормленіе бурсака въ продолженіе года впроголодь и на одѣяніе для него самое скудное. Преосвященный отнесся къ бѣднымъ дѣтямъ съ самымъ теплымъ участіемъ. Участіе это выражалось и въ частныхъ, такъ сказать, семейныхъ проявленіяхъ отечески—пастырской заботливости о нихъ, и въ административныхъ мѣропріятіяхъ къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

Въ то время въ Переяславѣ и около Переяслава проживало нѣсколько состоятельныхъ благочестивыхъ семействъ, которыя, по изстари заведенному обычаю, къ праздникамъ церковнымъ и во дни праздниковъ семейныхъ присылали преосвященнымъ хлѣбы и иныя нѣкоторыя принадлежности домовитаго хозяйства, прося себѣ архипастырскаго благословенія и святительскихъ молитвъ о нихъ. Многіе и изъ священно-служителей, представляя Владыкѣ, особенно въ первый разъ, имѣли обычай подносить хлѣбъ—соль. Владыка не отвергалъ этихъ обычныхъ знаковъ къ нему расположенія и почтительныхъ благожеланій; но лично для себя пользовался весьма не многимъ, а все почти отправлялъ въ столовую казеннокоштныхъ училищныхъ учениковъ. Часто посѣщая онѣ ихъ, внимательно вникалъ въ ихъ положеніе, хлопотливо относился ко всякой мелочи... Посѣщенія эти не всегда обходились благополучно для эконома и инспектора училищнаго. По впечатлительности характера Владыка иногда въ присутствіи учениковъ обращался къ нимъ съ самыми рѣзкими замѣчаніями. Такое обращеніе съ лицами служащими оказывало недоброе вліяніе на учениковъ: замѣчалось шатаніе въ исполненіи ихъ ученическихъ обязанностей и ослабленіе дисциплины по

отношенію къ старшимъ. Помню нѣсколько случаевъ, въ которыхъ заботливость Владыки о сиротахъ-бурсачкахъ выразилась съ нѣкоторою несдержанностію, чувствительно-обидною для лицъ, прикосновенныхъ къ матеріальному содержанію бурсачковъ. Только увѣренность въ сердечной отеческой добротѣ Владыки, правдивости и чистотѣ его стремленій, его непамятозлобій и несовладаемой нервной раздражительности удерживали въ почтительно-молчаливомъ перенесеніи рѣзкихъ вспышекъ гнѣва его. Нишущій эти строки рѣдкій день не былъ призываемъ къ Владыкѣ для выслушанія разныхъ распоряженій, а иногда и для *истязаній*, какъ тогда говорили, за упущенія мнимыя или же и дѣйствительныя. Случалось при входѣ въ пріемную архіерейскаго дома слышать громъ и видѣть молнію; но не помню, чтобы и выходъ когда либо былъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Первые вспышки гнѣва Владыки проходили скоро; затѣмъ онъ спокойно и терпѣливо выслушивалъ объясненія виновнаго и былъ замѣтно доволенъ, если оказывалось, что дѣло, взволновавшее его, не такъ преступно, или и вовсе не преступно, какъ ему оное представили, добродушно извинялся въ своей горячности и отпускалъ съ миромъ и благословеніями.

Изъ многихъ случаевъ, памятныхъ въ этомъ отношеніи, разскажу объ одномъ. Не помню котораго числа, но хорошо помню, что въ концѣ ноября мѣсяца, прибѣжалъ ко мнѣ запыхавшійся служитель Его Преосвященства съ приказаніемъ явиться къ нему немедленно. По какой надобности Владыка требовалъ, служитель не зналъ, но только сообщилъ мнѣ, что Владыка сильно взволнованъ и сердитъ. Едва появился я въ пріемной архіерейскаго дома, какъ Владыка, замѣтно съ нетерпѣніемъ ожидавшій моего прихода, встрѣтилъ меня самыми рѣзкими и

горькими попреками. Рѣчь Владыки, какъ челоѣка сильно обезпокоеннаго, была быстра, прерывиста. Трудно было понять, въ чемъ дѣло. Слышны были довольно рѣзкія выраженія, ясныя намеки на какую-то недобросовѣстность, на ограбленіе сиротъ... Улучивъ удобную минуту, я почтительно, но довольно твердымъ голосомъ замѣтилъ: „я не понимаю, Ваше Преосвященство, къ чему относятся Ваши, обидные для меня, попреки. Ни въ какомъ безсовѣстномъ ограбленіи сиротъ не укоряетъ меня моя совѣсть.... Я обязанъ почтительно выслушивать Ваши замѣчанія; но замѣчаніе въ наглomъ ограбленіи кого бы то ни было, тѣмъ болѣе сиротъ, для меня крайне обидно потому, что оно несправедливо“. При послѣднихъ словахъ Владыка быстро оборотился, спѣшными шагами подошелъ ко мнѣ и скороговоркой заговорилъ: „Какъ? Что? Чѣмъ же объяснять то, что я видѣлъ сегодня?“... Оказалось, что Владыка увидѣлъ крайне ветхую обувь на одномъ изъ училищныхъ учениковъ. Замѣчу, что это было въ самую холодную пору, при трескучихъ морозахъ; и если бы обезпокоившее Владыку явленіе было слѣдствіемъ и не злоупотребленія, а только небрежности, гнѣвъ Владыки и рѣзкія обличенія были бы вполне заслуженны. Но ни того, ни другаго не было.—Такъ какъ новая обувь только что была выдана ученикамъ, то я просилъ дозволенія о замѣченномъ произвести дознаніе. Владыка—согласился. Оказалось, что мальчикъ новые, недѣли за двѣ предъ тѣмъ полученные, сапоги изрѣзалъ на мячики, а обувался въ сапоги старыя, разбитыя до того, что изъ прорѣхъ выглядывали ноги. Когда виновный былъ представленъ со всѣми вещественными доказательствами, Владыка видимо смутился. Замѣтно, горько было для него и безчиніе мальчика, но не менѣе, если не болѣе, было горько для него и сознаніе,

что онъ подозрѣніемъ въ недобросовѣстности и попреками оскорбилъ совершенно невиннаго. Съ такою же откровенностію, съ какою только что обличалъ, Владыка извинялся теперь въ своей горячности. И нельзя было не извинить: такъ искренно и сердечно было это извиненіе! Оно проистекало изъ одного источника съ обличеніемъ,—изъ добраго, правдиваго, сердобольнаго сердца Владыки.

Достойна глубокой памяти эта сердечная доброта. Разительно проявлялась она и въ вспышкахъ кратковременнаго гнѣва, и въ тихихъ, задушевныхъ бесѣдахъ Владыки. И въ данномъ случаѣ, послѣ отческаго выговора и наставленія безпорядочному мальчишкѣ, Владыка повелѣ рѣчь, полную заботы объ улучшеніи положенія сиротъ: откуда взять средства? Возможно ли и насколько возможно увеличить вѣнчиковую сумму и проч.?... Можно было надѣяться, что, за словеснымъ выраженіемъ заботливости, послѣдовали бы и энергическія мѣропріятія къ ея осуществленію; такъ какъ Владыка не довольствовался словомъ тамъ, гдѣ нужно было и дѣло. А замѣтно было, что дѣло объ улучшеніи положенія бѣдныхъ бурсачковъ глубоко засѣло въ его добромъ сердцѣ. Около года Владыка пробылъ на паствѣ Полтавской, но и въ это короткое время успѣлъ оставить прочный памятникъ своей отеческой доброты, именно: двѣ стипендіи на воспитаніе бѣднѣйшихъ сиротъ въ Полтавской семинаріи. Зная аскетическое безкорыстіе Владыки, нельзя не удивляться, что въ суммѣ 3500 руб., внесенныхъ въ кассу семинарскую, отдано было все, что можно было отдать едва ли не до послѣдней полушки.....

Насколько Преосвященный Іеремія былъ добръ и благожелателенъ,—разскажу одинъ случай, касающійся лично и меня.—Накапунѣ 21 ноября явился я къ Преосвящен -

ному въ форменномъ по роду службы костюмѣ. Владыка встрѣтилъ меня вопросомъ: „Что за официальность?“ — „По официальному дѣлу, Ваше Преосвященство“ — отвѣчалъ я. „Завтрашній день я проповѣдникъ... Прошу покорнѣйше разсмотрѣть мою проповѣдь и, если окажется годною, благословите произнести по назначенію.“ — Преосвященный принялъ проповѣдь, но тотъ часъ же возвратилъ, предлагая прочесть ее тутъ же мнѣ. Не успѣлъ я произнести нѣсколько словъ, какъ Владыка остановилъ меня замѣчаніемъ: „Слово Божіе не то, что слово человѣческое. При чтеніи его, гдѣ бы то ни было, должны быть соблюдаемы обычаи, установленные Церковію. Ваше слово, назначенное для произнесенія въ храмѣ, на Божественной литургіи, составленное на основаніи Слова Божія, должно составить часть священнодѣйствія. Поэтому, при прочтеніи онаго, и здѣсь, въ *храмъ домашней церкви* (вѣдь домъ христіанскій есть домашняя церковь), совѣтую соблюсти требуемые св. Церковію обычаи отъ христіанскихъ проповѣдниковъ.“ Затѣмъ Владыка указалъ мнѣ мѣсто, прибавивъ: «я буду вашимъ слушателемъ, произносите»... — Требованіе Владыки было исполнено. Выслушавъ внимательно слово, онъ назначилъ произнести оное на его служеніи, въ одной изъ приходскихъ Переяславскихъ церквей.

Сообщая кое-какія замѣчанія и наставленія относительно церковнаго проповѣданія, Владыка предложилъ мнѣ явиться на литургію въ сюртукѣ: „фракъ-костюмъ официальный, для церкви не приличный... Вѣдь дѣло ваше, какъ проповѣдника, укажетъ вамъ войти въ алтарь... не прилично...; въ сюртукѣ приличнѣе“. Возвращая послѣ этого слово, Владыка спросилъ меня: „давно ли я служу при семинаріи?“ „Нѣтъ, Ваше Преосвященство, года три, отвѣчалъ я, и желалъ бы поско-

рѣе разсчитаться съ семинарской службой, да обстоятельства не позволяютъ.“ — „Что же васъ заставляетъ такъ спать съ оставленіемъ семинарской службы? Видѣ служба семинарская — довольно почтенная..... И какія обстоятельства мѣшаютъ исполниться вашему желанію?“ — „Да, Ваше Преосвященство, служба почтенная, но долго оставаться на ней выгодно только тѣмъ, которые интересуются чинами. У меня интересъ иной.“ — „Какой же именно? желательно бы знать. Можетъ быть я могъ бы пособить вамъ, смотря потому, въ чемъ этотъ интересъ состоитъ.“ — „Мое желаніе, отвѣтилъ я, служить въ епархіальномъ вѣдомствѣ въ санѣ священника. Я вышелъ изъ среды простаго народа, получилъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; хотѣлъ бы и послужить этому народу въ ряду почтеннаго духовенства. Полтавской паствы, давашаго мнѣ мѣсто въ средѣ своей, — послужить тѣмъ, что пріобрѣлъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“. „Ваше желаніе прекрасно, сказалъ Владыка, и къ исполненію онаго я препятствій не вижу. Дастъ Богъ, проведемъ постъ, отпразднуемъ св. праздники; вы пріищете себѣ невѣсту, да изъ дочерей Ааронихъ, вступите въ бракъ, а я рукоположу васъ во священника. Но вотъ затрудненіе: гдѣ же вамъ приходъ? Штатнаго протоіерейскаго мѣста въ епархіи нѣтъ; на нештатныя мѣста возводить въ протоіерея Св. Синодъ воспретилъ намъ, да, по моему мнѣнію, въ протоіерейство для васъ и рано; послать же васъ изъ семинаріи на приходъ въ санѣ священника нежелательно. Скажутъ: „и въ Академіи учился, и въ семинаріи служилъ, а такой же попъ, какъ и мы“. Прійдется вамъ еще года три прослужить въ семинаріи на тѣхъ должностяхъ, какія проходите, откроется хорошее

мѣсто,—я испрошу у Св. Синода дозволеніе рукоположить васъ въ протѣіерея. Тогда вамъ смѣлѣе и почетнѣе будетъ вступать въ епархіальную службу“.

Эта бесѣда приснопамятнаго Владыки, полная душевной доброты и благожелательнаго участія ко мнѣ, оставила навсегда самое благодарное воспоминаніе о немъ. Много разъ и еще приходилось выслушивать отъ него замѣчанія, выговоры и наставленія, но то были замѣчанія дѣловыя, служебныя. Часто онѣ были спокойныя, нерѣдко—съ оттѣнкомъ нервной раздражительности, но всегда добрыя по намѣреніямъ и искренне-сердечныя. Владыка былъ взыскателенъ по службѣ, но всегда снисходителенъ къ ошибкамъ недоразумѣнія. Настаивалъ на строгомъ храненіи законнаго порядка во всемъ; былъ ревностный блюститель чинопочитанія...

Человѣкъ открытаго характера, Преосвященный Іеремія не любилъ лицемѣрія. Лицемѣръ, ханжа производилъ на него тягостное впечатлѣніе. И можно было замѣтить, что онъ владѣлъ даромъ распознаванія этого лестчаго духа и опытностію довольно оригинально обличать и чувствительно наказывать лицемѣра. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго дѣйствія Владыки. Случилось оно за обѣдненнымъ столомъ его, на второй день праздника Рождества Христова въ 1851 году. Въ числѣ приглашенныхъ Владыкой раздѣлить съ нимъ очень скромный кусокъ хлѣба исключительно изъ лицъ подчиненныхъ ему по службѣ, былъ и о. А. П., званія монашескаго, человѣкъ молодой и, по всему замѣтно, благонадежнаго здоровья. Когда о. А. П. отказался отъ перваго блюда и, на вопросъ о причинѣ, заявилъ о нездоровьи, Владыка принялъ самое живое участіе въ больномъ гостѣ. „Вѣроятно, желудокъ не въ порядкѣ отъ перемѣны пищи... бываетъ,... бываетъ... Я знаю хорошее, весьма успокоительное лѣкарство. Келейникъ,

подай кусокъ сахару“. Пренесенный сахаръ Владыка бросилъ въ стаканъ, налилъ воды, разболталъ ложкой и предложилъ больному выпить. Лѣкарство было, замѣтно, не совсѣмъ по вкусу больного; но.... нужно было принять. Владыка сей часъ палилъ другой стаканъ водою, не требуя уже сахару, и настоятельно предложилъ выпить, увѣряя въ спасительности лѣкарства. Стаканъ за стаканомъ мнимо-больной вынужденъ былъ принять не менѣе семи приѣмовъ.. На лбу его показался потъ... Замѣтивъ это, Владыка сказалъ: „видите... видите, о. А., вотъ и реакція, реакція“... Но при усердномъ подчиваньи водою, Владыка не допустилъ своего гостя ни до одного блюда. „О. А. боленъ, боленъ... проноси далѣе“, былъ приказъ прислугѣ. Подъ конецъ обѣда Владыка положилъ на блюдце не большую ложку варенья и предложилъ о. А. П. закусить. Вѣроятно, о. А. долго помнилъ этотъ правоучительный обѣдъ и не позволялъ себѣ усерднаго приготовления дома къ званымъ владычнымъ обѣдамъ.

11-го января 1851 г. Преосвященный Іеремія выбылъ изъ Полтавской на Нижегородскую паству, пробывъ у насъ годъ безъ одного дня. Еслибы кто полюбознествовалъ узнать причины такого скорого перемѣщенія приснопамятнаго Владыки изъ Полтавской въ иную паству, то я указалъ бы таковыхъ три: а) настоящее стремленіе Владыки отъ многозаботливыхъ дѣлъ епархіальнаго управленія къ уединенной монастырской жизни; б) желаніе Св. Синода удержать на службѣ Святителя ревностнаго и благопопечительнаго и в) частіе—не благоприятное впечатлѣніе, произведенное на него состояніемъ дѣлъ Полтавской паствы. И изъ Ставрополя Преосвященный нѣсколько разъ просился на покой; но въ отвѣтъ на послѣднюю просьбу было перемѣщеніе его на паству Полтавскую. Не преполовилось еще время служенія его

и Полтавской паствъ,—а онъ уже шлетъ Св. Синоду моленіе о томъ же. Подъ 27 іюля 1850 г. въ Полтавскомъ дневникѣ записано: „Одигитріе, завтра празднуемая! буди благословеніе Твое, о Пресвятая Путеводительнице, на моемъ *предпріятіи* и помоли Сына Твоего и Бога, да не лишитъ мене благодати своей. Предпріятіе сіе: по слабости силъ моихъ, чувствуя себя неспособнымъ къ управленію паствою Полтавскою, всепокорнѣйше прошу Святѣйшій Синодъ учинить милостивое распоряженіе объ увольненіи меня отъ управленія епархією и о дозволеніи мнѣ имѣть пребываніе въ Кіевопечерской Лаврѣ во исполненіе обѣта моего“. Прошеніе это, какъ замѣтилъ Святитель въ томъ же дневникѣ, вручилъ онъ лично Пресв. Богородицѣ, чрезъ святую икону Ея Покровскую, съ слезною молитвою: „сотворить съ нимъ милость по неизреченной благодати“. Къ удаленію изъ Полтавы, кромѣ чаянія жизни уединенной, нудили его и дѣла паствы Полтавской, о которыхъ, какъ видно, были передаваемы ему и въ Ставрополь самыя неблагопріятныя вѣсти. Подъ 2 декабря 1849 г. дневника Кавказскаго Святитель записалъ: «Предъ служеніемъ (въ Ставр. соборѣ) мнѣ поданъ новый жезлъ, который былъ *черный* и не нравился мнѣ, — 2-го декабря получилъ увѣдомленіе, что, въ то время производилось дѣло о перемѣщеніи меня въ Полтаву, которая мнѣ была не по духу, какъ предзнаменовалось это чернымъ жезломъ». Кто очернилъ для Преосвященнаго жезлъ паствы Полтавской прежде, нежели онъ былъ принятъ имъ, неизвѣстно; но только онъ былъ сильно очерненъ. Владыка прибылъ въ Полтаву до того съ тяжелымъ предубѣжденіемъ противъ всего Полтавскаго, что только подъ конецъ годичнаго управленія Полтавскою паствою вѣсколькоразсѣялся мракъ этого предубѣжденія. Пребываніе свое

въ Полтавѣ называлъ онъ „безпріютнымъ“, „крестомъ Полтавскимъ, который тажедѣ и разносоставиѣ Кавказскаго“.

Первое непріятное впечатлѣніе на новоприбывшаго Владыку произвелъ архіерейскій домъ. Подъ 14 января (на третій день послѣ пріѣзда) 1850 г. въ дневникъ его записано: „Благополучно прибылъ въ Полтаву. Начинаю съ великимъ затрудненіемъ жить въ новомъ домѣ, среди пустыни котораго и на Кавказѣ мнѣ не было такъ безпріютно“. Архіерейскій домъ въ Полтавѣ, построенный на лучшемъ мѣстѣ въ городѣ, окруженный съ трехъ сторонъ прекраснымъ паркомъ, снаружи представляется громаднымъ, но внутри, и послѣ передѣлокъ довольно капитальныхъ, и въ настоящее время, за исключеніемъ третьяго этажа, мало удобенъ для жилья; а до передѣлокъ не представлялъ и этихъ удобствъ. Естественнo, Преосвященному, привывшему въ прежней его паствѣ къ помѣщенію болѣе скромному по размѣрамъ, но уютному и болѣе приспособленному къ жизни человека его сана и его образа жизни, Полтавское помѣщеніе не могло повраться. Проживши мѣсяца полтора въ этой пустынѣ, Владыка перешелъ въ настоятельскія кельи Крестовоздвиженскаго монастыря, а съ наступленіемъ весны перѣхалъ въ Лубенскій монастырь.

Обыденное, повидимому, обстоятельство, случившееся послѣ первой, совершенной Преосвященнымъ Іереміей литургіи въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ, весьма смутило его и усидило и безъ того неблагодушное настроеніе. Обстоятельство это Преосвященный вписалъ въ дневникъ подъ 15 января: „По служеніи (въ соборѣ) случилось нѣчто замѣчательное: по любви моей къ паствѣ Кавказской, я думалъ всегда, при служеніи моемъ въ Полтавской, возлагать панагію Кавказскую съ изображеніемъ Печер-

ской Богоматери съ свв. Антоніемъ и Θεодосіемъ съ одной стороны, а на другой—*Кавказъ*... Что жъ! По окончаніи литургіи икона Кавказская выпала и мнѣ по необходимости надобно было возложить крестъ Полтавскій и въ немъ, и съ нимъ видаться съ новыми овцами моими“.

Дѣла паствы Полтавской, какъ онѣ представились Преосвященному, произвели на него далеко не отрадное впечатлѣніе. „Отслужилъ обѣдню,—пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ, — смѣю ли обратиться къ тебѣ, Господи, и рещи: въ какія затрудненія церковныя, духовныя и, впрочемъ что маловажныѣ для меня всего, а почтено важнѣйшимъ, экономическія, поставленъ я въ Полтавѣ?!,— въ горшія, нежели на Кавказѣ“. И въ другомъ мѣстѣ подъ 29 іюля дневника: „Отправилъ просьбу объ отставкѣ. Можетъ быть разо... Но, Господи, прости, не могу вести дѣла о домѣ Полтавскомъ и объ имуществѣ архіерейскомъ. Лучше съ Черкесами воевать, нежели имѣть прою съ своими.... и о чемъ же“?...

Были ли въ самомъ дѣлѣ дѣла епархіальныя въ неблагоустроенномъ положеніи, или же не нравились Владыкѣ, какъ дѣла, не имѣ заведенныя, а другимъ, который руководствовался иными, не по характеру его, принципами и убѣжденіями, только Владыка Іеремія отзывается о нихъ во многихъ мѣстахъ своихъ замѣтокъ съ горькимъ, болѣзненнымъ чувствомъ. „Ангеле паствы сея (Полтавской)!. По многолѣтнему отсутствію и болѣзни пастыря бывшаго, Господи прости мене, паства сія въ непонятномъ положеніи... Не имѣю помощника и не знаю, что мнѣ дѣлать, смотря то, что вижу“... И въ другомъ мѣстѣ подъ 21 февраля: „Обѣдали у моего недостойнства члены Консисторіи и прочее превознесенное и разукрашенное отличіями духовенства Полтавское,—

всѣ протоіереи... священника не могъ отыскать... Это предмѣстнику моему было на радованіе, а преемникамъ его надолго скорбь и затрудненіе“.

Приходить на мысль и то, что Преосвященный Іеремія по всему былъ совершенный контрастъ съ предшественникомъ его, Преосвященнымъ Гедеономъ. Преосвященный Гедeonъ былъ человѣкъ общественный, Пр. Іеремія—келейный; первый былъ доступенъ и не дѣловому люду, второй праздныхъ посѣтителей не долюбливалъ; въ обращеніи съ подчиненными Пр. Гедeonъ былъ деликатенъ, сдержанъ; Пр. Іеремія—простъ, открытъ, иногда рѣзокъ и горячъ. При такомъ контрастѣ въ личныхъ качествахъ Преосвященныхъ, естественно различіе взглядовъ и на епархіальныя дѣла. Какъ первый епископъ паствы Кавказской, Пр. Іеремія устанавливалъ такъ епархіальныя порядки по своему усмотрѣнію; въ паствѣ Полтавской засталъ онъ порядки, заведенные другими. Что удивительнаго, если многое оказалось здѣсь не по его характеру? Нельзя удивляться и тому, что новый Владыка засталъ въ дѣлахъ новой своей паствы застой, прорѣхи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и уклоненіе отъ правды законной. Въдъ предшественникъ его шесть лѣтъ управлялъ епархіей издали, проживая въ Петербургѣ въ качествѣ присутствующаго въ Св. Синодѣ. По своему характеру, Владыка не могъ отнестись ко всему этому хладнокровно, и тихо, сдержанно установить болѣе правильный и строгій порядокъ въ управленіи епархіальномъ. Его горячая, энергичная дѣятельность, направленная къ спѣшному исправленію порядковъ, къ которымъ привыкли, не могла не отозваться тяжело на служебномъ епархіальномъ персоналѣ. При томъ же Преосвященный не стѣснялся въ рѣзкихъ замѣчаніяхъ, не скупился на выговоры и обличенія. Глухой ропотъ возникъ въ Полтавѣ и не въ средѣ

только духовенства, но и въ средѣ свѣтской. Пошли неблагоприятныя, оскорбительныя толки не только о служебной дѣятельности, но и о частной жизни Преосвященнаго,—толки волновавшіе Владыку и не дававшіе ему покоя.

Съ открытіемъ весны Владыка простился съ Полтавой, какъ оказалось навсегда. Лѣто провелъ въ Лубенскомъ монастырѣ, осень и часть зимы—въ Переяславѣ. Изъ Переяслава „мирнаго и спокойнаго“ выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на Кіевъ, для поклоненія святынь и молитвеннаго подкрѣпленія на предстоящій подвигъ пастырскаго служенія новой паствѣ.

Въ свое время въ Переяславѣ сообщали разсказъ, будто бы слышанный отъ самого Владыки, о знаменательномъ видѣніи ему во снѣ, наканунѣ дня, въ который полученъ былъ указъ о перемѣщеніи его на Нижегородскую паству. „Во снѣ я видѣлъ, говорилъ Владыка, какого-то благолѣпнаго старца, который, подавая мнѣ посохъ, сказалъ: *возьми!* Я отвѣтилъ ему: *у меня посохъ есть.* Тогда онъ съ нѣкоторою настойчивостію повторилъ: *возьми, возьми; тебѣ предстоитъ далекій путь*“... По полученіи указа, Владыка, не медля началъ собираться въ путь. Сборы были недолги: на третій или четвертый день, именно 11 января, Преосвященный готовъ былъ къ выѣзду и, послѣ напутственнаго молебствія у мощей священномученика Макарія, выѣхалъ изъ Переяслава по пути въ Кіевъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ Переяславскаго духовенства и служащіе въ семинаріи, во главѣ съ о. Ректоромъ, провожали Владыку верстъ за пять за городъ. На прощаньи Владыка пожелалъ всѣмъ мирной и благоденственной жизни о Господѣ и доброплоднаго служенія Церкви и отечеству... Затѣмъ, благословивъ каждого, простился. Послѣднее святительское благословеніе его, съ нарочито возвышен-

нымъ воздѣянiемъ рукъ, было всей паствѣ Полтавской, на окраинѣ которой онъ стоялъ въ эти знаменательныя минуты и къ которой обращенъ былъ послѣднiй его отеческiй прощальный взоръ. „Прощайте, сказалъ Владыка, и молитесь о мнѣ многогрѣшномъ.... Жалѣю, что я не понималъ паствы Полтавской, а паства Полтавская не поняла меня“....

Въ этихъ словахъ Святителя, вылившихся со издохомъ изъ глубины добраго его сердца въ послѣднюю, прощальную минуту съ бывшею его паствою, разгадка ихъ взаимныхъ, безъ этого во многомъ малопонятныхъ, отношенiй. Не поняли другъ друга, — паства пастыря, пастырь пастыи. Дѣйствительно, Преосвященный Іеремiя былъ человекъ и Святитель, котораго нужно было «понять», чтобы оцѣнить по достоинству, чтобы предаться ему со всею искренностiю, полюбить его всею душею. Кажись, и труда большаго не стоило понять и оцѣнить человека открытаго, безхитростнаго, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ. Но эготъ небольшой трудъ оказался на самомъ дѣлѣ трудомъ серьезнымъ, котораго не спохватились одолѣть. У Преосвященнаго Іеремiи, да простить онъ скромный мой судъ о немъ, при многихъ высокихъ качествахъ, былъ крупный недостатокъ, при которомъ самые благонамѣренныя администраторы, преслѣдующiе самые благонамѣренныя цѣли, рѣдко съ успѣхомъ достигаютъ оныхъ. Это—слишкомъ живая впечатлительность, подъ влiянiемъ которой онъ говорилъ и дѣйствовалъ. Оттого случалось нерѣдко слышать отъ него такія рѣчи, въ которыхъ, при болѣе хладнокровномъ обсужденiи дѣла, чрезъ полчаса — часть, приходилось ему сожалѣть и извиняться. Преосвященный, кажись, забывалъ, что предъ нимъ стоятъ люди, способные оскорбляться рѣзкими и не всегда заслуженными выговорами и

замѣчаніями. Съ спокойнымъ духомъ, послѣ самой неспокойной съ нимъ бесѣды, могъ отходить отъ него только тотъ, кто хорошо былъ знакомъ съ высокимъ нравственно-духовнымъ характеромъ Владыки, съ его искреннею любовію къ правдѣ и добру, съ совершеннымъ въ немъ отсутствіемъ и тѣни намѣренія оскорбить кого либо. Но какъ далеко не всякій способенъ былъ оцѣнить эти превосходныя качества Владыки!.. Лѣтъ чрезъ пятнадцать по выѣздѣ его изъ Полтавской епархіи мнѣ случалось слышать о немъ отзывы самые горькіе и гнѣвливые.

Если въ томъ маломъ сравнительно кругѣ дѣйствія Владыки, въ которомъ я вращался, далеко не всѣ были довольны его нерѣдко рѣзко настоятельными требованіями измѣнить образъ дѣйствія, къ которому привыкли; то тѣмъ болѣе было недовольныхъ въ гораздо обширнѣйшемъ кругѣ епархіальнаго управленія. Въ епархіи, въ которой административные порядки заведены другими, новому администратору на первыхъ порахъ многое можетъ показаться не въ томъ желанномъ видѣ, къ которому онъ привыкъ. Но терпѣливое изученіе состоянія дѣлъ, ближайшее внимательное знакомство съ служебнымъ персоналомъ, съ условіями мѣстной жизни, впоследствии многое поясняетъ и многому даетъ иной, болѣе благообразный и законный видъ. Притомъ же и кривизны удобнѣе исправляются постепеннымъ дѣйствіемъ силы исправляющей,—излишнее напряженіе, крутой поворотъ чаще ломаютъ, нежели исправляютъ. Преосвященный Іеремія, по своему характеру, способенъ былъ болѣе къ дѣятельности энергической по первому впечатлѣнію, нежели къ хладнокровно - постепенной, выжидательной. А при такой дѣятельности естественно встрѣтить неожиданныя препятствія, противорѣчія, охлажденіе въ исполнителяхъ, глухой ропотъ... Административная дѣятельность

Преосвященнаго Іереміи по побужденіямъ и цѣляхъ была самая законная и безупречная, а по характеру исполненія—спѣшная, нетерпѣливая, излишне, если позволено такъ выразиться, горячая.

Такой образъ дѣятельности Преосвященнаго зависѣлъ сколько, какъ замѣчено выше, отъ его личнаго характера, столько и оттого, что онъ прибылъ на паству Полтавскую, какъ ходили слухи, съ предзанятымъ невыгоднымъ мнѣніемъ о порядкахъ епархіальнаго управленія. Если слухи эти справедливы, а въ достовѣрность ихъ тогда вѣрили весьма многіе; то что удивительнаго, если Преосвященный только подъ конецъ годичнаго управленія епархіей началъ приходить къ убѣжденію, что не все то правда, о чемъ сообщали ему въ Ставрополь, — что въ епархіальномъ управленіи Полтавской паствы не безъ уклоненій, но не настолько далекихъ и рѣзкихъ, чтобы ихъ нельзя было исподволь исправить и ввести въ законную колею. Сожалѣніе о томъ, что онъ не исполнилъ этого своевременно, выразилъ Преосвященный въ послѣднюю прощальную съ своею паствою минутою: «жалѣю, что я не попалъ паствы Полтавской, а паства Полтавская, меня». Дѣйствительно, жалѣ. Преосвященный Іеремія былъ одинъ изъ тѣхъ людей, высокое достоинство которыхъ познается только тогда, когда они удаляются отъ насъ. Онъ явился среди насъ какъ бы неожиданно ни для него, ни для насъ: ни онъ, ни мы, казалось, не были приготовлены къ взаимной встрѣчѣ, къ совокупной, вполне согласной, дѣятельности.... О, если бы, многіе изъ насъ говорили впоследствии, Преосвященный Іеремія побылъ хоть лѣтъ десять у насъ, сколько бы добра онъ сдѣлалъ для насъ! Мы поняли бы его высоко-нравственный характеръ, высоко-благотворный образъ дѣйствія; онъ полюбилъ бы насъ. Насъ соединили бы самыя вѣрныя узы

любви взаимной,—любви, которая вся покрываетъ, все терпитъ, которая и иго пачальствованія дѣлаетъ удобопосимымъ, и иго повиновенія легкимъ.

Не много прошло въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ посмертныхъ извѣстій о Преосвященномъ Іереміи; но и въ эти скудныя свѣдѣнія вкралась, какъ думаю, грубая ошибка. То правда, что Преосвященный былъ ревнитель чести сана святительскаго и жезлъ паствы любилъ крѣпко и честно держать въ своей десницѣ; правда и то, что онъ любилъ благолѣпіе и велелѣпіе въ священнослуженіи; но правда ли, что Преосвященный любилъ «роскошную обстановку въ частной жизни»? Я зналъ Преосвященнаго, въ такія лѣта, когда образъ жизни чело-вѣка, съ ея требованіями и обычаями, устанавливается въполнѣ и—никакого стремленія къ роскоши у него не замѣтилъ. Говорятъ: Преосвященный Іеремія былъ аскетъ и—говорятъ правду. Лично былъ онъ аскетъ, сколько позволяло его положеніе,—и аскетизмъ, понимаемый въ смыслѣ умѣренности, былъ виденъ во всемъ. Два обѣда, на которые имѣлъ я счастье быть приглашеннымъ, были самые скромные во всѣхъ отношеніяхъ. Гардеробъ Владыки, замѣтно, былъ вовсе небогатъ: чаще мы видѣли его въ темной рясѣ шерстяной матеріи, рѣже—въ шелковой такого же цвѣта. Теплую лисью рясо-шубу сшили ему въ Переяславѣ, а дотолѣ довольствовался онъ суко-ною на ватѣ. Помѣщеніе любилъ уютное, при скромной обстановкѣ. Помню весьма хорошо слова Владыки, въ какихъ онъ выразилъ свое довольство Переяславскимъ архіерейскимъ домомъ: «Знай я, что здѣсь такое хорошее помѣщеніе, давно бы пріѣхалъ къ вамъ». А помѣщеніе-то состояло всего изъ четырехъ комнатъ. Экипажъ, въ которомъ Владыка пріѣхалъ въ Переяславъ (каре-та подъ желтой краской) и выѣхалъ изъ Переяслава, былъ

болѣе, нежели скромный. Можетъ быть, обстановка Нижегородскаго архіерейскаго жительство великолѣпна, и Владыка не отмѣнялъ того, къ чему привыкла паства и что было умѣстно по мѣстнымъ условіямъ; но что бы онъ лично любилъ великолѣпіе въ житейской обстановкѣ, съ трудомъ вѣрится. Иное дѣло терпѣть, а иное—любить.

П. М. Г.
